Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-265-272

ВОСКАНЯН Тигран Гагикович,
Аспирант ФГАОУ ВО
«Дальневосточный федеральный университет»,
e-mail: tigran_voskanyan_15@mail.ru

МЕТОДИКА ОБОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДЕЛИКТА

Аннотация. *В статье исследуются теоретико-правовые и прикладные проблемы криминализации и декриминализации преступлений в сфере экономической деятельности, а также вопросы разграничения преступления и гражданско-правового деликта в сфере предпринимательской деятельности. Обосновывается, что в отношении предпринимательских конфликтов уголовно-правовая оценка допустима лишь при наличии совокупности материальных, юридико-технических и правоприменительных предпосылок. Предлагается пятиуровневая методика проверки криминализационных и декриминализационных решений, основанная на оценке общественной опасности, субсидиарности уголовно-правового запрета, определенности состава, соразмерности санкций и прогноза правоприменительных рисков. Особое внимание уделено проблеме «уголовизации» хозяйственных споров. Доказывается, что ключевым критерием разграничения преступления и гражданско-правового деликта выступает первичный преступный умысел, который должен устанавливаться не ретроспективно по результату неисполнения обязательства, а на основе доказательств, относящихся к моменту возникновения намерения и способу завладения имуществом. Предлагается трехслойная модель доказывания умысла в предпринимательских конфликтах: преддоговорный, операционный и постфактум блоки. Анализируются правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, а также процессуальные гарантии, направленные на недопущение злоупотребления уголовным преследованием в предпринимательской сфере.*

Ключевые слова: *криминализация, декриминализация, предпринимательская деятельность, предпринимательские преступления, гражданско-правовой деликт, мошенничество, преступный умысел, уголовная политика, экономические преступления, правоприменение.*

VOSKANYAN Tigran Gagikovich,
Graduate student of FSAEI HE
“Far Eastern Federal University”

METHODOLOGY FOR SUBSTANTIATION OF CRIMINALIZATION AND DECRIMINALIZATION OF CRIMES IN THE FIELD OF ECONOMIC ACTIVITY AND DELIMITATION OF CRIME AND CIVIL TORT

Annotation. *The article examines theoretical and practical issues of criminalization and decriminalization of offences in the sphere of economic activity, as well as the distinction between crime and civil delict in the sphere of business activity. It is argued that in entrepreneurial conflicts criminal law intervention is permissible only where a set of material, legal-technical and law-enforcement prerequisites is present. The author proposes a five-level methodology for testing criminalization and decriminalization decisions based on the assessment of social harmfulness, subsidiarity of criminal prohibition, certainty of the corpus delicti, proportionality of sanctions and projection of enforcement risks. Particular attention is paid to the problem of criminalization of commercial disputes. The paper demonstrates that the key criterion for distinguishing crime from civil delict is the initial criminal intent, which must not be inferred retrospectively from the mere fact of non-performance of*

an obligation, but must be established through evidence relating to the moment the intent arose and the method of obtaining the property. A three-layer model of proving intent in entrepreneurial conflicts is proposed: pre-contractual, operational and post-factum blocks. The article also analyzes the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as procedural safeguards designed to prevent abuse of criminal prosecution in the business sphere.

Key words: *criminalization, decriminalization, entrepreneurial activity, business crimes, civil delict, fraud, criminal intent, criminal policy, economic crime, law enforcement.*

Введение

Вопрос о пределах уголовно-правового вмешательства в предпринимательскую деятельность занимает одно из центральных мест в современной уголовно-правовой политике. Это обусловлено тем, что именно в предпринимательской сфере наиболее отчетливо проявляется конфликт между необходимостью охраны экономического оборота и недопустимостью чрезмерной репрессии в отношении хозяйственной инициативы. С одной стороны, государство обязано обеспечивать защиту рынка, добросовестной конкуренции, имущественных интересов кредиторов, инвесторов и иных участников гражданского оборота. С другой стороны, чрезмерное расширение сферы уголовной ответственности способно трансформировать хозяйственный риск в риск уголовного преследования, тем самым подрывая предсказуемость предпринимательской среды.

Специфика предпринимательских деяний заключается в том, что правомерное и неправомерное поведение (с точки зрения уголовного закона) здесь нередко имеют сходные внешние признаки. Неисполнение обязательства, кассовый разрыв, неудачная инвестиционная стратегия, дефолт контрагента, корпоративный конфликт или управленческая ошибка могут внешне напоминать хищение, злоупотребление полномочиями или причинение имущественного вреда. Именно поэтому предпринимательская сфера требует особенно строгих критериев криминализации и особенно точных правил разграничения преступления и гражданско-правового деликта.

Научная и практическая значимость данной проблемы определяется также тем, что в экономической сфере наиболее заметно проявляется риск «уголовизации» частноправовых конфликтов. В подобных случаях уголовное право используется не как ultima ratio, а как средство давления в корпоративном или договорном споре. Такая тенденция деформирует назначение уголовного закона, ослабляет авторитет гражданско-правовых механизмов защиты и создает угрозу избирательного правоприменения.

Цель настоящего исследования состоит в разработке комплексного подхода к оценке допустимости криминализации и декриминализации предпринимательских деяний, а также в формулировании критериев, позволяющих разграничивать преступление и гражданско-правовой деликт в предпринимательских отношениях. Для достижения этой цели предлагается объединить методологию уголовно-политической оценки с анализом правовых позиций высших судебных инстанций и процессуальных гарантий, действующих в экономических делах.

1. Методика обоснования криминализации и декриминализации предпринимательских деяний

1.1. Общая рамка оценки: от социальной опасности к юридической определенности

Выводы общей теории криминализации и декриминализации не могут быть механически перенесены на предпринимательскую сферу. Предпринимательская деятельность по самой своей природе связана с риском, вероятностным характером результата, конкуренцией, изменением конъюнктуры и зависимостью от действий множества контрагентов. Поэтому в данной области требуется не формальный, а многоступенчатый подход к оценке того, оправдано ли использование уголовного закона.

Представляется целесообразным использовать пятиуровневую методику, условно обозначаемую как система «пяти фильтров». Ее практическое значение состоит в том, что она применима как к вопросам криминализации, так и к вопросам декриминализации: в первом случае она помогает установить необходимость уголовно-правового запрета, во втором — выявить ситуации, когда сохранение уголовной репрессии уже не отвечает принципам обоснованной уголовной политики.

Первый фильтр — материальный, то есть фильтр общественной опасности. Для предпринимательских деяний общественная опасность не должна сводиться исключительно к факту имущественного ущерба конкретному лицу. В ряде случаев вред причиняется не только отдельному потерпевшему, но и самому механизму хозяйственного оборота: страдает достоверность регистрации, прозрачность отчетности, устойчивость платежной системы, доверие участников рынка, условия добросовестной конкуренции. Именно поэтому, например, незаконная предпринимательская деятельность и незакон-

ная банковская деятельность представляют опасность не только как нарушение формальных правил, но и как дестабилизирующий фактор для рынка в целом[1].

Второй фильтр — субсидиарность уголовно-правового запрета. Применительно к предпринимательским деяниям данный критерий имеет особое значение, поскольку значительная часть нарушений в экономической сфере уже охватывается административно-правовыми и гражданско-правовыми механизмами. Если соответствующее деяние эффективно пресекается административной ответственностью, а его общественная опасность не выходит за пределы деликта, уголовно-правовое вмешательство оказывается избыточным. Иначе говоря, уголовный закон не должен воспроизводить административный запрет без добавления качественно иного уровня опасности.

Третий фильтр — юридико-технический. Предпринимательские составы часто характеризуются высокой степенью бланкетности. Это означает, что содержание уголовно-правового запрета фактически определяется системой иных нормативных актов — налоговых, банковских, регистрационных, лицензионных, корпоративных. Однако чем выше зависимость состава от внешнего регулятивного массива, тем выше риск размытости уголовно-правовой границы. В результате адресат уголовного закона не может с необходимой степенью определенности предвидеть, какое именно поведение является преступным. В предпринимательской сфере такая неопределенность особенно опасна, поскольку она способна трансформировать нормальную деловую активность в зону постоянного репрессивного риска.

Четвертый фильтр — пенологический. Если законодатель приходит к выводу о необходимости уголовно-правового реагирования, то сама модель санкции должна отвечать специфике охраняемых отношений. Для экономических и предпринимательских деяний логичнее использовать меры, ориентированные на восстановление нарушенных имущественных интересов, возврат незаконно извлеченного дохода, ограничение возможности повторения противоправной деятельности и компенсацию причиненного вреда. Напротив, автоматическое усиление репрессии за счет лишения свободы не всегда отвечает целям уголовного закона и нередко препятствует возмещению ущерба.

Пятый фильтр — правоприменительный. Даже теоретически обоснованный уголовно-правовой запрет должен быть проверен с точки зрения его доказуемости и практической реализуемости. Необходимо оценивать, насколько признаки состава поддаются доказыванию, какова доля прекращенных уголовных дел, не используется ли соответствующий состав как средство корпоративного давления. Иными словами, вопрос ставится не только о том, «правильно ли» криминализировано деяние, но и о том, «работает ли» выбранная модель без системных злоупотреблений.

Именно такое понимание правоприменительной проверки прослеживается и в позициях Верховного Суда Российской Федерации. Так, по делам о незаконном предпринимательстве судам предписано устанавливать, отвечает ли поведение признакам предпринимательской деятельности, закрепленным в гражданском законодательстве, включая самостоятельность, риск, систематичность извлечения прибыли и установленный законом порядок регистрации[2]. Тем самым исключается возможность отождествления разовых гражданско-правовых действий с преступным предпринимательством.

1.2. Индикаторы избыточной криминализации в предпринимательской сфере

Применение названной методики позволяет выявить типовые признаки избыточной криминализации.

Во-первых, о дефекте уголовно-правового запрета может свидетельствовать криминализация формальных регистрационных, лицензионных или отчетных нарушений в тех случаях, когда реальный вред отсутствует либо минимален. Если нарушение не порождает существенных рисков для неопределенного круга лиц, не нарушает устойчивость оборота и не обладает самостоятельной криминальной интенсивностью, уголовный закон оказывается чрезмерным инструментом реагирования.

Во-вторых, тревожным индикатором выступает использование расплывчатых оценочных признаков, прежде всего в части «существенного вреда», «крупного ущерба», «крупного дохода» и иных сходных категорий. Сами по себе оценочные признаки в уголовном праве допустимы, однако в предпринимательских делах они создают повышенную опасность расширительного толкования, поскольку коммерческая деятельность по определению связана с оборотом денежных средств, имущественными потерями и договорными конфликтами.

В-третьих, признаком избыточной криминализации является чрезмерная бланкетность состава, особенно когда уголовно-правовой запрет опирается на быстро меняющийся массив подзаконного регулирования. В такой ситуации границы уголовной ответственности становятся «плавающими», а сама репрессия зависит не столько от закона, сколько от регулятивной динамики в иной отрасли права.

В-четвертых, важным сигналом служит высокая доля прекращения уголовного преследования либо систематические трудности доказывания состава. Если правоприменитель регулярно сталкивается с невозможностью устойчиво установить признаки преступления, это может свидетельствовать не только о недостатках следственной работы, но и о неверной законодательной конструкции либо о неправильно выбранном уровне уголовно-правовой реакции.

1.3. Индикаторы рискованной декриминализации

Вместе с тем недопустимо и механическое движение в сторону декриминализации. В предпринимательском блоке особенно рискованно исключать уголовную ответственность за деяния, которые выполняют инфраструктурную функцию в теневой экономике. Речь идет, в частности, о фиктивной регистрации, использовании номинальных структур, подложных сведений о субъектах хозяйственной деятельности, схемах искусственного сокрытия бенефициаров и иных формах маскировки преступной активности.

Опасность таких деяний заключается не только в разовом нарушении правила, но и в том, что они создают организационную основу для серийных злоупотреблений. Если при этом соответствующее поведение характеризуется высокой доходностью, низкими барьерами повторяемости и затрагивает интересы неопределенного круга лиц, административный штраф не обеспечивает достаточной превенции. Следовательно, декриминализация оправдана лишь в тех случаях, когда реально снижается степень общественной опасности, а не тогда, когда фактически создается «окно возможностей» для системной теневой практики.

2. Разграничение предпринимательского преступления и гражданско-правового деликта

2.1. Проблема «уголовизации» предпринимательских отношений

Одним из наиболее острых вопросов правоприменения в экономической сфере является подмена гражданско-правового или арбитражного механизма уголовно-правовым преследованием. Наиболее часто такая ситуация возникает в рамках договорных и корпоративных отношений: поставки, подряда, займа, кредита, агентирования, лизинга, корпоративного управления. Во всех этих случаях конфликт может быть обусловлен как недобросовестным преступным поведением, так и объективными рисками коммерческой деятельности.

Опасность «уголовизации» предпринимательских отношений состоит, во-первых, в подрыве принципа ultima ratio. Уголовное право начинает выполнять несвойственную ему функцию разрешения частноправового спора, хотя для этого существуют развитые институты гражданского и арбитражного судопроизводства, исполнительного производства, банкротства, реструктуризации и взыскания убытков. Во-вторых, подобная практика снижает правовую предсказуемость бизнеса. Хозяйственный риск, который должен оцениваться как нормальный элемент предпринимательства, начинает восприниматься как потенциальный повод для уголовного обвинения. Это не только деформирует экономическое поведение, но и способствует выводу деловой активности в тень, сокращению инвестиционной инициативы и повышению трансакционных издержек.

Поэтому для уголовной политики в сфере предпринимательства принципиально важно исходить из того, что уголовная ответственность должна строиться вокруг доказуемых признаков преступного способа поведения и преступного умысла, а не вокруг самого факта хозяйственного неуспеха. Такой подход соответствует и научной доктрине, в которой неоднократно подчеркивалось, что пределы криминализации в экономической сфере должны определяться не статусом участника оборота и не конечным отрицательным результатом сделки, а качеством самого деяния[3].

2.2. Нормативные ориентиры разграничения

Разграничение гражданско-правового деликта и преступления в предпринимательской сфере должно опираться на базовые положения уголовного закона.

Прежде всего, статья 14 УК РФ связывает понятие преступления с общественной опасностью. Отсюда вытекает, что само по себе нарушение договорной дисциплины, неисполнение обязательства, наличие задолженности либо имущественного спора еще не означает наличия преступления. Для уголовно-правовой оценки необходимо установить не просто нарушение обязательства, а общественно опасный способ поведения и соответствующую форму вины.

Далее, статья 8 УК РФ закрепляет, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Для предпринимательских конфликтов это положение имеет принципиальное значение: пока не доказаны все объективные и субъективные признаки конкретного состава, в том числе момент возникновения умысла и его содержание, уголовно-правовая квалификация недопустима.

Особая роль принадлежит разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации по делам о мошенничестве, присвоении и растрате.

Суд ориентирует правоприменителя на необходимость установления способа хищения, момента возникновения умысла и недопустимость вывода о мошенничестве только из факта последующего неисполнения обязательства[4]. Тем самым нормативный каркас разграничения строится вокруг трех взаимосвязанных элементов: первичный преступный умысел, преступный способ завладения имуществом и имущественный вред как результат.

2.3. Первичный преступный умысел как системообразующий критерий

Для квалификации мошенничества в предпринимательской сфере определяющее значение имеет вопрос о том, когда именно возник умысел на хищение имущества или приобретение права на него. Если умысел изначально был направлен на завладение чужим имуществом путем обмана или злоупотребления доверием, имеет место уголовно-правовой конфликт. Если же обязательство не исполнено вследствие последующих хозяйственных трудностей, просчетов, неблагоприятной рыночной ситуации или дефолта иных контрагентов, речь, как правило, идет о гражданско-правовом риске.

Именно поэтому первичный, то есть предшествующий получению имущества, умысел следует рассматривать как системообразующий признак предпринимательского преступления. Без его доказанности уголовная оценка фактически превращается в ретроспективное приписывание преступного намерения по результату коммерческой неудачи. Такой подход недопустим, поскольку он разрушает различие между мошенничеством и неисполнением обязательства.

2.4. Трехслойная модель доказывания умысла

Для снижения субъективизма в оценке предпринимательских конфликтов целесообразно использовать трехслойную модель доказательственного анализа.

Первый слой – преддоговорный. На этом уровне исследуются обстоятельства, существовавшие до заключения сделки. Внимание должно быть сосредоточено на вопросе, свидетельствуют ли они о том, что лицо изначально не собиралось исполнять обязательство. К числу типовых индикаторов относятся использование ложных сведений о финансовом положении, правовом статусе, лицензии, полномочиях, наличие фиктивной «витрины» бизнеса без реальной инфраструктуры, сокрытие существенных обстоятельств, объективно исключающих возможность исполнения.

Второй слой – операционный, то есть относящийся к моменту получения имущества или денежных средств. Здесь выясняется, был ли обман способом передачи имущества. Существенное значение имеют фиктивные документы, поддельные гарантии, мнимые акты исполнения, поставки исключительно «на бумаге», фиктивные услуги и иные действия, создающие ложное представление о реальном исполнении обязательства.

Третий слой – постфактум. Данные обстоятельства не заменяют доказывание первичного умысла, однако способны подтвердить либо опровергнуть версию обвинения. В пользу преступной модели могут свидетельствовать быстрый вывод активов, переводы средств на аффилированных лиц, создание искусственной неплатежеспособности, прекращение коммуникаций, уничтожение документации. Напротив, в пользу гражданско-правовой природы конфликта говорят попытки частичного исполнения, прозрачные переговоры о реструктуризации, предоставление документов о реальных финансовых трудностях, обращение в арбитражный суд либо участие в процедурах банкротства.

Преимущество данной модели состоит в том, что она препятствует подмене анализа умысла анализом результата. Преступное намерение должно подтверждаться совокупностью фактов, распределенных во времени, а не выводиться исключительно из наступившего ущерба.

2.5. Запрет на «ретроспективный умысел»

Для предпринимательской сферы особенно важно не допустить так называемого ретроспективного умысла – ситуации, когда следствие или суд рассуждают по формуле: «обязательство не исполнено, деньги не возвращены, следовательно, имело место хищение». Подобная логика методологически неверна и юридически опасна. Она игнорирует природу предпринимательства как рискованной деятельности и фактически криминализирует коммерческую неудачу.

Позиции Верховного Суда Российской Федерации ориентированы именно на недопустимость такого упрощения[4]. Умысел должен устанавливаться исходя из доказательств, относящихся к моменту его возникновения и к способу получения имущества. Иначе говоря, уголовное право вправе реагировать на договорное поведение лишь в тех случаях, когда доказан первичный преступный замысел и преступный способ, а не тогда, когда обязательство оказалось неисполненным постфактум.

2.6. Типовые предпринимательские фабулы и квалификационные развилки

Наиболее наглядно различие между гражданско-правовым и уголовно-правовым контуром проявляется в типовых практических ситуациях.

Так, при получении аванса по договору поставки или подряда гражданско-правовой

характер спора подтверждается наличием объективных препятствий к исполнению, ведением переговоров, предоставлением документов, предложением возврата, зачета или замены исполнения. Напротив, уголовно-правовой контур вырисовывается в тех случаях, когда еще до получения аванса отсутствовали реальные возможности исполнения, контрагенту сообщались ложные сведения о наличии товара или мощностей, использовались фиктивные документы, а полученные средства немедленно выводились через аффилированные структуры.

В отношениях займа или кредита гражданско-правовой характер конфликта проявляется через дефолт, переговоры о реструктуризации, частичные платежи, обращение к механизмам обеспечения и судебной защиты. Признаки преступления возникают при использовании фиктивных обеспечений, подложных документов, сокрытии фактической неплатежеспособности и изначальном отсутствии намерения возвращать полученные средства.

В делах о присвоении и растрате разграничение строится вокруг режима вверения имущества. Здесь необходимо установить, что имущество было передано лицу во владение или управление с обязанностью действовать в интересах собственника, а затем обращено вопреки этой обязанности. Для предпринимательских споров это особенно важно в ситуациях, связанных с действиями директора, управляющего или иного лица, распоряжающегося активами организации. Неудачное управленческое решение само по себе не тождественно присвоению или растрате; требуется доказать именно противоправное обращение вверенного имущества[4].

2.7. Конституционно-правовые ориентиры и пределы специального регулирования

Важное значение для рассматриваемой темы имеют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанные по вопросу о специальной норме о мошенничестве в предпринимательской сфере. Конституционный Суд указал на недопустимость ситуации, при которой сходные по существу деяния влекут различную уголовно-правовую реакцию лишь в зависимости от статуса участника оборота, а не от объективных признаков самого деяния[5].

Из этого вытекает принципиально важный вывод: предпринимательская специфика должна выражаться не в статусной уголовно-правовой привилегии и не в статусной репрессии, а в материально-правовых и процессуальных критериях. Дифференциация ответственности оправдана тогда, когда она опирается на проверяемые признаки – способ, умысел, характер посягательства, круг потерпевших, размер вреда, системность поведения. Любая попытка выстроить специальный режим только по признаку участия в предпринимательской деятельности повышает риск законодательной нестабильности и правоприменительных перекосов.

3. Процессуальные гарантии против злоупотреблений в предпринимательских делах

Разграничение преступления и гражданско-правового деликта имеет не только материально-правовое, но и выраженное процессуальное измерение. Даже при наличии спорной квалификации особое значение приобретают гарантии, препятствующие использованию уголовного процесса как инструмента давления на бизнес.

Одним из наиболее значимых механизмов выступают специальные ограничения на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу по делам, связанным с предпринимательской деятельностью. Законодатель прямо ориентирует правоприменителя на необходимость учитывать связь деяния с предпринимательством и на приоритет более мягких мер пресечения[6]. В системной связи с этим положением находится и требование учитывать возможность продолжения предпринимательской деятельности и управления имуществом при выборе меры пресечения[7].

Смысл данной конструкции состоит в том, чтобы не допустить автоматического использования наиболее жесткой меры процессуального принуждения в коммерческих конфликтах, где высок риск смешения уголовно-правовой и гражданско-правовой проблематики. При этом ограничения не устраняют возможность заключения под стражу вообще, но делают ее допустимой лишь при наличии дополнительных и строго проверяемых оснований.

Особое значение имеет также требование к мотивировке ходатайства следствия в случаях, когда оно утверждает, что деяние не связано с предпринимательской деятельностью. Такие доводы должны быть конкретизированы и подтверждены материалами, подлежащими судебной проверке[8]. Тем самым сама процессуальная стадия избрания меры пресечения превращается в дополнительный барьер против произвольной «депредпринимательской» переквалификации конфликта ради обхода гарантий.

С практической точки зрения целесообразно говорить о необходимости раннего процессуального фильтра уже на стадии проверки сообщения о преступлении. Если конфликт возник из договора, корпоративного отношения, кредитной или инвестиционной операции, до возбуждения уголовного дела должны быть проверены как минимум четыре блока обстоятельств: наличие доказательств первичного умысла; наличие доказательств обмана как способа получения

имущества; экономическая логика исполнения или неисполнения обязательства; наличие параллельного арбитражного спора, исполнительного производства или процедуры банкротства. Речь идет не о создании иммунитета от уголовного преследования, а об устранении его автоматизма.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько взаимосвязанных выводов.

Во-первых, оценка допустимости криминализации и декриминализации предпринимательских деяний должна строиться на специальной многоуровневой методике, учитывающей не только общественную опасность, но и субсидиарность уголовного закона, юридическую определенность состава, соразмерность санкций и прогноз правоприменительных последствий. Без такой проверки уголовная политика в предпринимательской сфере неизбежно колеблется между избыточной репрессией и опасной либерализацией.

Во-вторых, типовыми признаками избыточной криминализации выступают формализация уголовного запрета, чрезмерная бланкетность, расплывчатые оценочные категории и систематические трудности правоприменения. Напротив, рискованная декриминализация имеет место там, где деяние выполняет инфраструктурную функцию для теневой экономики и создает условия для серийных злоупотреблений.

В-третьих, центральным критерием разграничения предпринимательского преступления и гражданско-правового деликта является первичный преступный умысел. Само по себе неисполнение обязательства, наличие долга, хозяйственная неудача или корпоративный конфликт еще не образуют преступления. Уголовно-правовая оценка допустима только тогда, когда доказаны момент возникновения умысла, преступный способ завладения имуществом и причинение вреда как следствие именно этой преступной модели поведения.

В-четвертых, для практики разграничения продуктивной представляется трехслойная модель доказывания умысла — «до, во время и после» получения имущества. Она позволяет связать анализ субъективной стороны с конкретными фактическими данными и минимизировать опасность ретроспективного вывода о преступном характере хозяйственного конфликта.

В-пятых, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации подтверждают, что предпринимательская специфика должна выражаться не в особом статусном уголовно-правовом режиме, а в точности материально-правовых критериев и в наличии процессуальных гарантий против злоупотребления уголовным преследованием.

Таким образом, уголовная политика в сфере предпринимательской деятельности должна исходить из презумпции недопустимости криминализации обычного хозяйственного риска и из допустимости уголовно-правовой реакции лишь в отношении доказанной криминальной модели поведения. Только такой подход позволяет одновременно защищать экономический оборот и сохранять принципиальные пределы уголовной репрессии.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [электронный ресурс]. Режим доступа: https://clck.ru/3F6aff (дата обращения: 22.02.2026)

[2] О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: пост. Пленума ВС РФ от 18.11.2004 N 23 (ред. от 07.07.2015) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [электронный ресурс]. Режим доступа: https:// https://clck.ru/3R4ZCA (дата обращения: 02.02.2026)

[3] См., напр.: Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. Нечаев А. Д. Криминализация экономических деяний: пределы и основания // Российский судья. 2021. № 7. С. 32–37; Антонов А. Д. Уголовно-правовые риски предпринимательской деятельности. М.: Юрлитинформ, 2020; Мальцагов И. Д. Экономическая преступность как объект уголовно-правовой и криминологической оценки // Законность. 2022. № 4. С. 18–24; Гельдибаев М. Х. Проблемы уголовно-правовой охраны предпринимательской деятельности // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 25–29.

[4] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: пост. Пленума ВС РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [электронный ресурс]. Режим доступа: https:// https://clck.ru/3R4ZHF (дата обращения: 02.02.2026)

[5] По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: пост. Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 N 32-П // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [электронный ресурс]. Режим доступа: https:// https://clck.ru/3R4Zfm (дата обращения: 28.12.2025)

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001

N 174-ФЗ, ст. 108, ч. 1.1. (ред. от 08.03.2026) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [электронный ресурс]. Режим доступа: https://clck.ru/3R4ZjH (дата обращения: 10.03.2026)

[7] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: пост. Пленума ВС РФ от 19.12.2013 N 41 (ред. от 27.05.2025) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [электронный ресурс]. Режим доступа: https:// https://clck.ru/3R4aJ8 (дата обращения: 28.12.2025)

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law No. 13.06.1996 of 63-FZ (as amended by 20.02.2026) //Consultant-Plus Reference and Legal System [electronic resource]. Access mode: https:// clck.ru/3F6aff (access date: 22.02.2026)

[2] On judicial practice in cases of illegal business: post. Plenum of the RF Armed Forces of 18.11.2004 No. 23 (as amended by 07.07.2015) // Consultant-Plus Reference Legal System [electronic resource]. Access mode: https :// https://clck.ru/3R4ZCA (access date: 02.02.2026)

[3] See, for example: Korobeev A.I. Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis: monograph. M.: Yurlitinform, 2019. Nechaev A.D. Criminalization of economic acts: limits and grounds// Russian judge. 2021. № 7. S. 32-37; Antonov A. D. Criminal law risks of entrepreneurial activity. M.: Yurlitinform, 2020; Maltsagov I. D. Economic crime as an object of criminal law and criminological assessment//Legality. 2022. № 4. S. 18-24; Geldibaev M. Kh. Problems of criminal legal protection of entrepreneurial activity//Russian justice. 2020. № 11. S. 25-29.

[4] On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: post. Plenum of the RF Armed Forces of 30.11.2017 No. 48 (as amended by 15.12.2022) //Consultant-Plus Reference Legal System [electronic resource]. Access mode: https :// https://clck.ru/3R4ZHF (access date: 02.02.2026)

[5] In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Salekhard City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: post. of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.12.2014 N 32-P//Consultant-Plus Reference and Legal System [electronic resource]. Access mode: https :// https://clck.ru/3R4Zfm (access date: 28.12.2025)

[6] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: feder. Law of 18.12.2001 N 174-FZ, Art. 108, part 1.1. (as amended by 08.03.2026) //Consultant-Plus Reference Legal System [electronic resource]. Access mode: https://clck.ru/3R4ZjH (access date: 10.03.2026)

[7] On the practice of the courts of applying legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions: post. Plenum of the RF Armed Forces of 19.12.2013 No. 41 (as amended by 27.05.2025) // Consultant-Plus Reference Legal System [electronic resource]. Access mode: https :// https://clck.ru/3R4aJ8 (access date: 28.12.2025)

